

О.А. Жукова

Онтологические основания свободы: метафизика и социальная философия С.Н. Трубецкого

Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор Школы философии факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: logoscultura@yandex.ru

С.Н. Трубецкой (1862–1905), выдающийся русский мыслитель и общественный деятель, автор оригинальной концепции «конкретного идеализма», является убежденным последователем философских идей В.С. Соловьева. Трубецкой как один из лучших представителей национальной интеллектуальной элиты утверждает в своем творчестве ценности европейского модерна, духовные и политические свободы личности и общества. По мнению автора статьи, философские идеи и политические убеждения Трубецкого имеют один исток. В основе философской системы «конкретного идеализма» находится логоцентричная онтология свободы. Либеральная концепция политической свободы вырастает из христианской интуиции личностного бессмертия. Трубецкой отстаивает самостоятельное значение русской религиозной метафизики, видя в восточно-христианской традиции философствования потенциал для онтологического обогащения рационалистической мысли Нового времени. Тем самым в философии он показывает путь синтеза для русской и европейской мысли, а в социальной жизни защищает путь мирного переустройства политической системы и развития русского общества.

Ключевые слова: идеализм, христианский либерализм, метафизика, онтология, свобода, Логос, культура, политика, монархия, общество, революция, С.Н. Трубецкой

1. Метафизика свободы С.Н. Трубецкого в контексте русской философии

Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905) в созвездии русских мыслителей начала XX в. занимает особое место. Выдающийся философ, близкий друг и последователь В.С. Соловьева, талантливый университетский преподаватель, аристократ, человек европейской культуры и глубокой веры, князь Сергей Трубецкой стал моральным и интеллектуальным лидером русского образованного общества, выразителем его либеральных унаследований и ожиданий на волне революционных событий первой русской революции 1905 г. Он принял непосредственное участие в политических процессах, подготовивших изменения социального порядка Империи. Путь С.Н. Трубецкого как философа и общественного деятеля служит яркой характеристикой интеллектуальной и политической истории России, воплощая сложный опыт развития русской метафизики и общественной мысли, ее выход в публичное пространство политических и профессиональных дискуссий.

В творчестве С.Н. Трубецкого обнаруживает себя тема свободы, понятая христологично, в духе религиозной метафизики В.С. Соловьева и Ф.М. Достоевского. Идеальное христианство Достоевского подразумевает «религию любви и потому свободы» [Лосский, 1994, с. 211]. Этим христианским идеалом Трубецкой движим в жизни. В научном творчестве, опираясь на достижения новоевропейской философии и метафизику всеединства Соловьева, он последовательно выстраивает оригинальную систему философского идеализма, синтезирующую опыт разума и веры. Трубецкой решает онтологический вопрос через философский конструкт Сущего, а гносеологический – через устанавливаемое единство познавательных способностей и вводимое им понятие универсальной чувствительности. «Учение С. Трубецкого уходит своими корнями в систему В. Соловьева, которую он, тем не менее, подверг пересмотру в свете критики теории познания Канта и послекантовского метафизического идеализма, в особенности Гегеля. Таким образом, учение об универсальной чувствительности было попыткой углубить кантовскую концепцию чувствительности», – дает определение философскому поиску Трубецкого Н.О. Лосский [Лосский, 2011, с. 201].

На Соловьева и Достоевского как на источники философского мировоззрения Трубецкого указывают все исследователи его творчества. Из биографии мыслителя известно, что гениальный роман Достоевского «Братья Карамазовы» наряду с «Критикой отвлеченных начал» Соловьева завершили формирование христианского мировоззрения Трубецкого, самым глубоким образом способствовав его коренному повороту от юношеского нигилизма и безверия к религиозной метафизике [там же, с. 197]. На этот перелом в духовном строе будущего автора работы «Учение о Логосе в его истории» обращает внимание и В.В. Зеньковский [Зеньковский, 1991, с. 94]. Историки русской мысли едины в понимании определяющих философию Трубецкого источников и характера наследуемой традиции. Трубецкой является восприимчивым идеи христианства как подлинной религии любви и свободы. «Чтобы оценить значительность этого движения, – пишет Лосский, – достаточно указать на следующие имена: Вл. Соловьев, кн. С.Н. Трубецкой, кн. Е.Н. Трубецкой, о. П. Флоренский, о. С. Булгаков, Н. Бердяев, Мережковский, Франк, Карсавин, Вышеславцев, Арсеньев, о. В. Зеньковский, Кобылинский-Эллис» [Лосский, 1994, с. 211–212].

Об этой специфической линии *русской религиозной метафизики любви и свободы*, которая стала онтологическим и гносеологическим основанием «конкретного идеализма» С.Н. Трубецкого и его социально-философских взглядов, убедительно говорит в своей итоговой книге «Вечное в русской философии» Б.П. Вышеславцев. Возводя происхождение оригинальной русской мысли к Григорию Сковороде, Вышеславцев видит в нем «все заветные устремления и симпатии русской философии, которые затем воплотились в личности Вл. Соловьева и всей нашей плеяды русских философов эпохи русского возрождения, как-то: братья Трубецкие, Лопатин, Новгородцев, Франк, Лосский, Аскольдов и мы немногие, которые еще можем напомнить новому поколению, в чем состоит дух и трагедия русской философии, и которые старались ее продолжать в своих трудах за рубежом» [Вышеславцев, 1994, с. 156]. Показательно, что список наследников Сковороды и Соловьева возглавляют братья Трубецкие.

В чем тогда состоит дух и трагедия русской мысли, почему обращение к центральным для европейской философии темам свободы и любви, веры и разума, Бога и человека, вечности и истории в традиции русской мысли, ярким представителем которой выступает С.Н. Трубецкой, обладает заметным своеобразием? Вышеславцев так отвечает на этот вопрос: «...основные проблемы мировой философии являются, конечно, проблемами и русской философии. В этом смысле не существует никакой специально русской философии. Но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения» [там же, с. 154].

Русский подход, о котором говорит философ, в первую очередь связан с доминантой религиозной традиции в развитии русской культуры, где религия в сочетании с искусством и литературой выступают важнейшими формами ее самопознания, беря на себя функцию философской рефлексии над основаниями социального и исторического бытия. Христологичность русской культуры, ее центрированность на духовных идеалах и ценностях православия задает интеллектуально-творческий горизонт русской мысли, в значительной степени влияя как на политическое самосознание российского общества, так и на философию русского либерализма с его вниманием к религиозным аспектам жизни государства и народа [Кара-Мурза, Жукова, 2011]. Не случайно Е.Н. Трубецкой, вслед за старшим братом, продолжая идеи гениального мыслителя христианско-либерального типа В.С. Соловьева, в своей последней книге «Смысл жизни» однозначно заключит: «Учение о Христе – это ключ к разрешению вопроса о человеческой свободе» [Трубецкой, 1918, с. 163].

В русской религиозной и общественной мысли сложился определенный консенсус представлений о специфике взаимодействия политической и религиозной традиции в социальной истории России [Жукова, 2006]. Речь прежде всего идет о философах – представителях русского европеизма – либерального, или либерально-консервативного, направления, проделавших огромную интеллектуальную работу по осмыслению и реконструкции особенностей развития русской истории и культуры. Они отмечали, что слабость философско-богословской рефлексии в истории русской культуры во многом спровоцировала драматическое развитие традиции, при котором устоявшиеся формы культуры без творческого переосмысления исторического опыта складывались в традиционалистский комплекс культурной ментальности, преодолевавшийся с помощью радикальной перестройки социального порядка [Агошков и др., 2010, с. 107–110]. Именно в этом выдающийся философ и культуролог Г.П. Федотов, пересматривая русскую культурно-политическую традицию, будет находить одну из причин *русской несвободы*. Она обусловлена слабостью усилий по интеллектуальному познанию и переосмыслению исторического опыта.

Сложившееся соотношение власти и религиозной традиции в попытках изменения социального порядка открывало путь к секуляризации культуры, порывавшей с предшествовавшей традицией. Не случайным кажется тот факт, что отечественная культурфилософская и историософская мысль на рубеже XIX–XX вв. рассматривала проблему свободы в соотнесенности духовного и социального порядка бытия – в единстве метафизического и политического в жизни человека и общества.

Проблема свободы, ставшая знаменем русского либерализма и вынесенная в плоскость публичной политики в начале XX в., всегда была важнейшей для русской философии и литературы, онтологические и культурные корни которой – в христианском учении свободы и этики любви: «Пушкин есть прежде всего певец свободы. Философия Толстого и Достоевского есть философия христианской свободы и христианской любви. Если Пушкин, Толстой и Достоевский выражают исконную традицию и сущность русского духа, то следует признать, что она во всем противоположна материализму, марксизму и тоталитарному социализму», – подчеркивал Б.П. Вышеславцев в книге «Вечное в русской философии» [Вышеславцев, 1994, с. 160].

Непосредственная взаимосвязь религиозного и политического вопроса о свободе была метафизически прочувствована Достоевским, творчеством которого так глубоко проникся Трубецкой. Томас Шпидлик, большой знаток восточно-христианской традиции, в своей известной книге с символическим названием «Русская идея: иное видение человека», посвященной реконструкции русской духовности, обращается к опыту Достоевского, видя в нем крупнейшего оригинального русского религиозного философа и социального мыслителя, пророчествующего о свободе. Считая, что «Достоевский особым образом выразил концепцию свободы, типичную для русской мысли» [Шпидлик, 2006, с. 35], он выделяет характеристики свободы, определяющие судьбы романых героев Достоевского. Свобода, согласно автору «Братьев Ка-

рамазовых», *безгранична, беспричинна, демонична, христологична, эсхатологична*. В интерпретации кардинала Шпидлика, русская мысль пережила свободу в глубине своего опыта, философски обозначив такие ее свойства:

- свобода мета-номична (нередко противостоит правилам общественного порядка),
- мета-логична (не является родом мышления),
- бого-человечна (христологична и духовна),
- созидательна (позитивна и творчески активна),
- преобразовательна (преобразует общество и космос),
- созидательно кенотична (примиряет противоречие, когда подчинение становится свободой, а свобода стремится к подчинению) [там же, с. 31–41].

Как убедительно показывает автор «Русской идеи», проблематика свободы в русской духовно-интеллектуальной культуре занимает одно из центральных мест, присутствуя в философских и художественных текстах. И в этом он полностью совпадает с Б.П. Вышеславцевым, определявшим тему свободы не только в качестве начала русского философствования, но и главного индикатора *социального мироучествования*: «Русская философия, литература и поэзия всегда была и будет на стороне свободного мира: она была революционной в глубочайшем, духовном смысле этого слова и останется такой и перед лицом всякой тирании, всякого угнетения и насилия» [Вышеславцев, 1994, с. 160].

В связи с поиском пути «русской свободы» в философии, публицистике и общественной деятельности князя С.Н. Трубецкого уместно вспомнить определение свободы, данное В.С. Соловьевым в одной из статей Энциклопедии Брокгауза и Ефрона. По Соловьеву, свобода представляет собой проблему «об истинном отношении между индивидуальным существом и универсальным, или о степени и способе зависимости частичного бытия от всецелого» [Соловьев, 1900, с. 163–169]. Своеобразную формулу свободы, как бы подводя итог развития русской мысли, предложит Вышеславцев: «Существует две свободы, или две ступени свободы: свобода произвола и свобода творчества. Переход от первой ко второй есть сублимация свободы» [Вышеславцев, 1994, с. 193]. С несублимированной свободой произвола связаны «явления духовного противоборства, восстания против иерархии ценностей»; сублимированная свобода, свобода творчества поворачивает свой руль «в направлении к ценностям», добровольно беря на себя «реализацию идеального долженствования» [там же, с. 193]. Трубецкой всегда был защитником позитивной свободы – *свободы творчества и созидания*, но действовать ему приходилось в условиях политической несвободы, породившей революционный хаос негативной свободы, который проник и в его любимое детище – Университет.

2. Философия и практика христианского либерализма

Революционный кризис, ставший симптомом болезни политико-экономической системы Российской империи, повлиял на процесс институализации философии в университетской системе образования. На рубеже XIX–XX вв. университетская среда была источником свободомыслия и политической активности, и Трубецкой оказался одним из идейных лидеров, настаивавших на обновлении системы отношений профессиональных образовательных корпораций и власти. Исходя из своего видения задач образования и воспитания русского студенчества, Трубецкой пытался расширить тематическое поле философии, побудить учащихся к самостоятельному мышлению. В 1894–1899 гг. под его руководством действовал студенческий кружок в форме семинаров по философии истории, и даже такое академическое направление работы воспринималось «необычайной вольностью и рассматривалось как великодушное попустительство начальства» [Анисимов, 1906, с. 148]. По признанию С.Н. Трубецкого, кружок «разрешили под следующим соусом: 1) я объявляю

совещательные часы или практические упражнения в дни и часы по соглашению со слушателями... 2) на сии часы или упражнения, кроме студентов, допускаются магистранты, оставленные при университете, а также кандидаты... 3) организация занятий лежит исключительно на мне, а равно и ответственность за них... 5) члены или участники принимаются мною и пускаются по моему списку... 6) предварительная цензура рефератов принадлежит мне: рефераты политического свойства исключаются безусловно» [Трубецкая, 1953, с. 182].

Семинары Трубецкого, как и созданное по его инициативе в марте 1902 г. Студенческое историко-филологическое общество при Московском университете¹, призванные способствовать углубленному изучению истории античной, новоевропейской, христианской философской мысли, культивировали в учениках потребность в самостоятельном научном поиске. Рассматриваемые философские сюжеты на самом деле отвечали самым актуальным темам и проблемам современности. Это подтверждается фактом возникновения в рамках Общества в 1904 г. специализированной секции «История религии». В работе религиозно-философской секции ярко проявили себя талантливые ученики и слушатели С.Н. Трубецкого – В.Ф. Эрн, В.П. Свенцицкий, П.А. Флоренский, А.В. Ельчанинов, принявшие непосредственное активное участие в процессах обновления общественной и церковной жизни на волне революционно-политических изменений российского государства и общества в 1905–1906 гг.

Университет был для Трубецкого без преувеличения храмом науки и цитаделью просвещения. В эпоху революционных перемен университет, по замыслу Трубецкого, выступал своеобразным образцом духовного и социального порядка, который должен был воплотиться в творческой свободе и гражданской ответственности человека и общества. Веря в «эволюцию личности и общества», которые «взаимно обуславливают друг друга», в «их разумный прогресс» [Трубецкой, 1994б, с. 48], Трубецкой считал, что развитие человечества определяется разумной целью. И эта цель состоит в том, что «Великое Существо будущего, истинное земное божество или божественное общество, должно объять все человечество и осуществить царство разума, мира и свободы» [там же, с. 49]. И к этой цели, он был убежден, идут «народы в общекультурной работе своих государств, в своих войнах, союзах, революциях и реформациях, в своей промышленности, технике, искусствах и науке» [там же]. Теургическое видение прогресса в духе и разуме философ прилагал к пониманию современной России, отдавая интеллектуальную мощь и всю страсть своей души воплощению этой грандиозной задачи. На этапе формирования политической нации Трубецкой пытался показать альтернативный имперскому бюрократическому традиционализму путь свободного общественного самоуправления, основанного на авторитете знания и профессионализма, на доверии к личности, наделенной правами и свободами, уважающей законность и правопорядок.

В статье с многозначным названием «На рубеже», посвященной памяти ушедшего из жизни выдающегося русского историка и философа права Бориса Николаевича Чичерина, Трубецкой высказал основополагающие для него социально-политические идеи. Написанный в самом начале русско-японской войны, в феврале 1904 г., в Дрездене, текст князя Трубецкого носит программный характер; здесь философ дает свое определение исторических задач России, обретающей свое подлинное величие только в свободе. Перед лицом громадной опасности – восточного вызова, вновь поднимающего вопрос борьбы Азии и Европы до всемирно-исторического значения, Трубецкой видит единственный путь выживания России: чтобы спасти европейскую и христианскую культуру, носительницей которой, по мысли Трубецкого, является Россия, «она должна будет собрать и развить все свои духовные и материальные силы, весь свой разум и творчество» [Трубецкой, 1907, с. 458–459]. Первым условием этой работы является «внутреннее обновление и политическое освобождение

¹ Первое заседание Общества состоялось 16 марта 1902 г. После кончины кн. С.Н. Трубецкого Общество стало носить его имя.

России, упразднение бюрократическо-полицейского абсолютизма, медленно растлевающего Россию и ведущего ее к конечной гибели. Коренная политическая реформа необходима для спасения России и для спасения самого Престола, – убежден Трубецкой. – Ибо все то, чего благомыслящие, просвещенные люди требовали до сих пор в интересах свободы и преуспеяния, приходится требовать теперь в интересах порядка и охранения» [там же, с. 459].

В большой статье, проникнутой духом высокого патриотизма и гражданственности, Трубецкой проводит анализ российского абсолютизма, противопоставляя сложившуюся традицию русского самодержавия русской идее единодержавия. По его мнению, «абсолютизм не только не составляет силу царской власти, а окончательно связывает и подрывает ее, наносит ей величайший нравственный и политический ущерб и противопоставляет ее России, как чуждую и враждебную» [там же]. На протяжении статьи Трубецкой последовательно раскрывает тезис, что в системе бюрократического абсолютизма, «являющейся необходимым результатом развития “самодержавного правления”, мнимая “неограниченность” царской власти неизбежно обращается в худшее из всех ограничений, и каким образом под конец самое единодержавие, реальная власть монарха, приносится здесь в жертву призраку *самодержавия*» [там же].

В тяжелой исторической ситуации, призывает Трубецкой, здравая политика должна освободиться от ложной патриотической риторики, прикрывающейся самодержавием, православием и народностью. Власть, церковь и общество должны найти оправдание в «могучем государственном инстинкте». Показывая разложение русского царизма и духовную нищету церкви, огражденной полицейским уставом, Трубецкой категорически отрещивается от недругов России, от тех, кто не чтит ее истории и не любит религии и культуры. «Мы не порываем связей с историческим прошлым России. Мы не отрекаемся от основ ее государственного величия, а хотим их укрепить и сделать незыблемыми. Мы не поднимаем руки против церкви, когда хотим освобождения ее от кустодии фарисеев, запечатавших в гробу живое слово. И мы не посягаем против Престола, когда мы хотим, чтобы он держался не общим бесправьем и самовластьем опричников, а правовым порядком и любовью подданных», – решительно заявляет Трубецкой [там же, с. 487]. Он прямо обращается к высшей власти, надеясь на разумное проявление государственного инстинкта и христианской совести. Как считает философ, «теперь сама царская власть должна довершить строительство земли, дав ей свободу и право, без которых нет ни силы, ни порядка, ни просвещения, ни мира внутреннего и внешнего. И этим она не ослабит, а бесконечно усилит себя, восстановив себя в своем истинном значении царской, а не полицейской власти и сделавшись залогом свободы, права и мирного преуспеяния» [там же].

Трубецкой верит, что «ни одно русское сердце не может и не должно мириться с мыслью, что и после нее Россия останется в прежнем беспросветном рабстве и косности, которые не сулят ей ничего, кроме позора, смуты и гибельных неисчислимых бедствий» [там же, с. 492]. Уповая на то, что «неиссякаемый мощный дух самоотверженного патриотизма» «воскреснет, обновит Россию и освободит ее» [там же], он адресовал свое послание не только русской власти и обществу, но и самому себе. Самоотверженное служение идее свободы и христианской любви было стержнем его личности. Интенсивность духовной работы, сила моральных переживаний надломила находящегося в самом расцвете лет ученого и борца.

Апоплексический удар 29 сентября 1905 г. на приеме у министра народного просвещения и последовавшая через несколько часов смерть молодого ректора Московского университета потрясли друзей, коллег и всю прогрессивную общественность своим трагическим символизмом. Кончина князя Трубецкого обожгла души и сердца русских людей пророческим предчувствием будущих исторических бед России, не свершившихся надежд общества на мирное, поступательное развитие страны. «На

моей памяти я не знаю случая, чтобы смерть какого-нибудь общественного деятеля так потрясла Москву, так потрясла всю Россию», – подавленный горем, пишет в траурной памятной статье коллега и соредaktor Трубецкого по журналу «Вопросы психологии и философии» Л.М. Лопатин [Лопатин, 1905, с. 1]. Сокрушаясь о том, как много потеряла бедная родина в лице «твердого и честного гражданина», Лопатин прямо говорит о том, что С.Н. Трубецкой – это не просто общественный деятель, но «общественное знамя». «Он знамя мирного и легального развития страны по пути свободного прогресса, – формулирует Лопатин. – И вот это знамя вырвано у нас. Несмотря на приобретенные блага политической свободы, ниоткуда не слышно уверенного и спокойного призыва к мирному и закономерному решению ставших перед нами трудных задач. Подымается скорбный вопрос: куда же идем мы? Что ждет нас? Неужели только мрак и стон кровавых междоусобий и всеобщего разгрома?» – в ужасе вопрошает философ [там же].

Как напишет П.И. Новгородцев, мало кто мог предположить, что любимый многими университетский профессор Сергей Трубецкой умрет национальным героем. Выдающийся русский философ права признаёт, что Трубецкой был «превосходным профессором, первоклассным ученым, глубоким мыслителем» [Новгородцев, 1906, с. 4]. Но не академические заслуги принесли князю Трубецкому всенародное признание. «Для того, чтобы стать излюбленным вождем народным, – настаивает Новгородцев, – нужны были особые свойства личности: глубокая вера в будущее, прозрачная ясность и чарующая искренность светлой души, высокое нравственное воодушевление; и нужно было, чтобы эти свойства проявились в ярком подвиге веры и любви в тяжкий час испытания России» [там же, с. 4–5].

Интеллектуальный и моральный подвиг С.Н. Трубецкого был оценен многими современниками, как и необыкновенно привлекательные черты его личности. Нравственный стиль его жизни, интеллигентность, душевность и простота в общении, высокий профессионализм и обширность знаний обращали студентов в горячих поклонников и обожателей, а коллег, пусть и не всегда согласных с его мнением, в уважающих собеседников и соратников. «Его необыкновенная искренность и душевная красота манили к нему и заставляли любить его; другого слова я не подберу для определения того чувства, которое Сергей Николаевич вызывал в окружающих», – сделает признание в мемориальной статье А.А. Мануилов, выдвинутый коллективом на ректорских выборах в помощники С.Н. Трубецкому [Мануилов, 1906, с. 1].

Через год во вступительной лекции в Московском университете Евгений Николаевич Трубецкой обратился к слушателям с вдохновенной речью в память о своем горячо любимом и высокочтимом брате Сергее Николаевиче. Мемориальное слово о философе и общественном деятеле Сергее Трубецком, по сути, было программным выступлением, содержащим оценку интеллектуального наследия рано ушедшего профессора философии, свидетельством о единстве идейно-политических позиций и общности исповедуемых духовных идеалов, исходных мировоззренческих и философских установок двух мыслителей. Вспоминая брата, «идя за его гробом», Евгений Трубецкой обещал продолжить его дело – *дело свободы и бессмертия*. Активная борьба С.Н. Трубецкого за автономию университетского управления, блестящие публицистические выступления о свободе слова и печати, участие в важнейших политических событиях 1904–1905 гг. принесли молодому ученому, занимавшемуся академической деятельностью, общероссийскую известность.

Депутация к царю 6 июня 1905 г. земских представителей, которую возглавил С.Н. Трубецкой, знаменитое обращение князя к Николаю II о назревших политических изменениях и чаяниях всего русского народа о свободах, первые в России университетские выборы, в результате чего ординарный профессор стал ректором Императорского Московского университета, – все эти события в глазах общественности до некоторой степени затмили его образ как выдающегося ученого и оригинального мыслителя. Надписи на венках «Борцу за свободу» свидетельствовали о том, по сло-

вам Евгения Трубецкого, что современники «ценили общественного деятеля», в то время как «философ, учитель жизни остался для большинства из них неразгаданным и непонятым» [Трубецкой, 1994а, с. 293].

Перед лицом смерти смысл жизни становится более ясным и отчетливым. Смысл жизни Сергея Трубецкого его младший брат и философский единомышленник увидел в духовном преодолении смерти – в этом высшем проявлении свободы, дарованной Богом человеку. Весь пафос борьбы за свободу, по словам Евгения Трубецкого, у Сергея Николаевича исходил из жажды бессмертия, продиктованной глубокой христианской верой. Именно философский поиск истины был душой общественной борьбы за свободу, поднимал и «окрылял его слово»: «Смысл свободы для него был в том же, в чем он видел смысл жизни. И как ни парадоксальным вам может это показаться, *он был борцом за свободу, потому что был учителем бессмертия*» [там же]. Указав на онтологическую связь между свободой и бессмертием как главную философскую интуицию С.Н. Трубецкого, Евгений Николаевич подчеркнул, что «в самой борьбе за свободу есть что-то такое, что приподнимает над смертью и свидетельствует о связи человека с вечностью» [там же, с. 293]. В борьбе преодолевается страх смерти, она становится началом пути к бессмертию. Жертвуя собой ради свободы, в служении общественному благу Сергей Трубецкой, как оценивал его брат, встал на путь бессмертия, ища его философским умом, верующим сердцем, свободной волей христианина и моральным сознанием гражданина. Именно царственный венец свободы, возложенный Богом на человека как на разумное существо, способное устроить свою жизнь, становится залогом духовных, интеллектуальных и политических свобод.

Этот манифест свободы, онтологическим основанием которой выступает божественный дар свободы, проявляемый в разумном творчестве человека в истории, Евгений Трубецкой произносит от лица обоих братьев, наследников метафизики всеединства Владимира Соловьева, восходящей к софийной интерпретации Бога, мира и человека. Религиозные корни онтологии свободы, ее христианские эсхатологические перспективы просматриваются в построениях Е.Н. Трубецкого достаточно отчетливо. «В бессмертии – смысл свободы и ее ценность <...> Свобода подобает человеку, как сосуду Безусловного. Признание свободы – эта та дань уважения, которую мы платим бессмертию», – заключает речь Трубецкой [там же, с. 298]. И возвращаясь к образу Сергея Трубецкого, он напоминает о том пути свободы, которым шел его брат, приглашая слушателей последовать этой цели «созидания неумирающей формы жизни» [там же]. Призывая осознать высший смысл свободы, в котором соединяется обретение личного бессмертия и общественное служение христианским идеалам свободы, Евгений Трубецкой, говоря о Сергее как о предвестнике новой жизни, совершившем духовный и гражданский подвиг, поднимает русское общество на трудную работу воплощения свободы «для очеловечивания России» [там же, с. 298].

«Добрый гений, светлый дух мира» [Новгородцев, 1906, с. 6], князь Трубецкой силой своей веры «заставлял других верить в торжество нравственных начал над всеми противоборствующими стихиями, – над косной силой истории, над безумной близорукостью господствующих и над грозным ожесточением обездоленных и подвластных» [там же, с. 7]. Увы, этим ожиданиям разумного устроения русской жизни не суждено было сбыться. Но, как заключит Новгородцев, великое значение Сергея Трубецкого в истории состоит в том, что во время русской революции с ним «связана была вера русского народа в преобладающую силу правды и в возможность общего примирения» [там же].

Тяжело обновлялась и «очеловечивалась» Россия, обретая право на свободу, на творческую самостоятельность личной и общественной жизни, словно подтверждая слова философа Сергея Трубецкого, что в мировом процессе человеческая личность зарождалась трудно и медленно, «туго развивалось ее самосознание» [Трубецкой, 1994б, с. 562]. Трубецкой отмечал, что «самое понятие личности, личных прав, личной собственности и свободы – все эти понятия возникают и развиваются у нас на

глазах. И вместе с их развитием, с развитием личного самосознания, пробуждается сознание внутреннего противоречия жизни, противоречия личности и рода, свободы и природы» [там же, с. 562–563]. По мнению Трубецкого, философия осознаёт эти противоречия, природа которых – в самой действительности. Недостигнутый идеал – это задание, сопряженное с познанием и культурной работой человечества по согласованию и примирению, в терминах философа, конечного и бесконечного, свободы и природы, личности и вселенной. Горячая вера в разумный прогресс не заслоняла перед Трубецким реальности. Напротив, в своих представлениях и практических действиях он был духовно мотивированным реалистом, или, пользуясь его собственной системой определений, *конкретным идеалистом*.

Идеалистически возвышенный, наполненный религиозным смыслом свободы и в то же время трезвый и критический взгляд Трубецкого на существо жизни во всех ее субъективных (личностных, духовных) и объективных (социальных, политических) проявлениях позволил Г.П. Федотову причислить Сергея Трубецкого и его брата Евгения к традиции русских метафизиков – идеологов либерального славянофильства. Говоря о слабости русского либерализма, Федотов констатирует, что «вырождение старого славянофильства в черносотенство конца XIX в. обескровило это направление» [Федотов, 2011, с. 50]. «Однако в Москве (и провинции), – заметит Федотов, – никогда не угасала эта благородная традиция – Самариных, Шиповых, Трубецких» [там же].

Эту благородную традицию мирных преобразователей, патриотов и сторонников органических изменений социального порядка без сломов существующей политической конструкции власти продолжает Трубецкой. Показательно, что эстафету созидательного обновления России от своих старших реформаторов-патриотов молодой аристократ принимает в памятном «голодном» 1892 г. Не проявлявший до того особого интереса к политике, Трубецкой изменил свое отношение к вопросам социального устройства государства и связанной с ними общественной работы, став по просьбе рязанского губернатора Г.И. Кристи его уполномоченным, чтобы наладить помощь голодающим. Побывав в Рязани, Трубецкой ужаснулся масштабам народного бедствия. Постепенно он приходит к мысли о необходимости участия в решении конкретных проблем русской жизни, не оставляя и работу в университете. С этого момента научно-педагогическая и общественная деятельность в жизни Трубецкого неразрывно связаны.

Можно с глубокой уверенностью говорить, что его выбор был мотивирован христианскими убеждениями и моральными выводами, сделанными на их основе. Духовный переворот, произошедший с юным Трубецким, утвердил будущего автора «Основания идеализма» в истинности христианства и значимости его идей для всеобщего духовного и культурного прогресса человечества. Пережив нигилистический кризис, по завершении гимназии Трубецкой навсегда вернулся к христианству и, по словам Л.М. Лопатина, «на всю жизнь сделался убежденным проповедником идеального, очищенного, философски оправданного религиозного мировоззрения» [Лопатин, 1906, с. 34].

На страницах главного научного труда «Учение о Логосе в его истории» С.Н. Трубецкой сформулировал свое кредо – христианина, мыслителя и политического деятеля: «Человек не может мыслить свою судьбу независимо от судьбы человечества, того высшего собирательного целого, в котором он живет и в котором раскрывается полный смысл жизни» [Трубецкой, 1994б, с. 47–48]. Идеалом же на пути исторической работы народов служит «разум и добро», господствующее не только в человеке, но и «во вселенной» [там же, с. 47–48].

Не вызывает сомнений, что если бы Сергею Николаевичу Трубецкому было отпущено иное время жизни, то он бы принял самое живое участие в публичном политическом процессе эпохи партийного строительства и первого русского парламентаризма как последовательный и убежденный деятель либерального направле-

ния. Либеральная программа, закрепляющая личностные и политические свободы, была продолжением его христианской веры в свободный творческий разум человека и выношенной им философской идеи абсолютного как конкретного субъекта, сущего «в себе самом для другого» и заключающего «в себе основания своего другого» [там же, с. 717]. Политическая философия Трубецкого соответствовала его христианской метафизике *абсолютного* – «нравственной идее Бога, как бесконечной любви» [там же] – центральному тезису, сформулированному в «Основаниях идеализма». Изложенная Трубецким концепция «конкретного идеализма» с его необходимым постулатом «опыта и умозрения, точно так же как и религиозной веры» [там же] стала философским обоснованием социально-политической программы, продолжающей и развивающей традицию *христианского либерализма* в политической культуре России.

Список литературы

- Агошков и др., 2010 – *Агошков А.В. и др.* Какой тип культуры складывается в современной России? // *Вопр. культурологии*. 2010. № 8. С. 93–120.
- Анисимов, 1906 – *Анисимов А.И.* Князь С.Н. Трубецкой и московское студенчество // *Вопр. философии и психологии*. 1906. Кн. I(81). С. 146–196.
- Вышеславцев, 1994 – *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии // *Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса*. М.: Республика, 1994. С. 154–324.
- Жукова, 2006 – *Жукова О.А.* История русской культуры и современность // *Вопр. истории*. 2006. № 8. С. 105–116.
- Зеньковский, 1991 – *Зеньковский В.В.* История русской философии: в 2 т. Т. II. Ч. 2. Л.: ЭГО, 1991. С. 93–113.
- Кара-Мурза, Жукова, 2011 – *Кара-Мурза А.А., Жукова О.А.* Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М.: ИФ РАН, 2011. 184 с.
- Ключевский, 2009 – *Ключевский В.О.* Курс русской истории: полн. изд. в 1 т. М.: Альфа-Книга, 2009. С. 669.
- Мануилов, 1906 – *Мануилов А.А.* Из воспоминаний о кн. С.Н. Трубецком // *Вопр. философии и психологии*. 1906. Кн. I(81). С. 1–3.
- Лопатин, 1905 – *Лопатин Л.М.* Памяти князя С.Н. Трубецкого // *Вопр. философии и психологии*. 1905. Кн. IV(79). Сент.–окт. С. I–VI.
- Лопатин, 1906 – *Лопатин Л.М.* Князь С.Н. Трубецкой и его общее философское мирозерцание // *Вопр. философии и психологии*. 1906. Кн. I(81). С. 29–129.
- Лосский, 2011 – *Лосский Н.О.* История русской философии. М.: Акад. Проект; Триеста, 2011. 551 с.
- Лосский, 1994 – *Лосский Н.О.* Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. 432 с.
- Новгородцев, 1906 – *Новгородцев П.И.* Памяти князя Сергея Николаевича Трубецкого // *Вопр. философии и психологии*. 1906. Кн. I(81). С. 4–8.
- Соловьев, 1900 – *Соловьев В.С.* Свобода воли // *Энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона*. 1900. Т. XXIX(57). С. 163–169.
- Трубецкая, 1953 – *Трубецкая О.Н.* Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. 269 с.
- Трубецкой, 1907 – *Трубецкой С.Н.* Собрание сочинений Кн. Сергея Николаевича Трубецкого: в 6 т. Т. 1: Публицистические статьи. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Сонко. 1907. 495 с.
- Трубецкой, 1918 – *Трубецкой Е.Н.* Смысл жизни. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1918. 232 с.
- Трубецкой, 1994а – *Трубецкой Е.Н.* Свобода и бессмертие // *Трубецкой Е.Н. Смысл жизни*. М.: Республика, 1994. 432 с.
- Трубецкой, 1994б – *Трубецкой С.Н.* Соч. М.: Мысль, 1994. 816 с.
- Федотов, 2011 – *Федотов Г.П.* Собр. соч.: в 12 т. Т. 5. М.: Sam&Sam, 2011. 424 с.
- Шпидлик, 2006 – *Шпидлик Т.* Русская идея: иное видение человека. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 464 с.

Ontological Foundations of Freedom: The Metaphysics and Social Philosophy of S.N. Trubetskoy

Olga Zhukova

DSc in Philosophy, PhD in Cultural Studies, Professor. National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: logoscultura@yandex.ru

S.N. Trubetskoy (1862–1905) – the outstanding Russian thinker and public figure. The author of the original concept of “concrete idealism”, he is a staunch follower of the philosophical ideas of V.S. Solov’ev. Trubetskoy is one of the best representatives of the national intellectual elite. In his works he argues values of European modernity, the spiritual and political freedom of the individual and society. According to the author, philosophical ideas and political beliefs of Trubetskoy are single source. In the heart of the philosophical system of “concrete idealism” is specific logocentric ontology of freedom. The liberal concept of political freedom grows out of the Christian intuition of personal immortality. Trubetskoy defends independent significance of Russian religious metaphysics, seeing in the Eastern Christian tradition of philosophizing the potential for ontological enrichment of the rationalist thought in Modern Era. Thus, in philosophy, he shows the way of synthesis for Russian and European thought, and in social life he protects the path of peaceful transformation of the political system and development of Russian society.

Keywords: idealism, Christian liberalism, metaphysics, ontology, freedom, Logos, culture, politics, monarchy, society, revolution, S.N. Trubetskoy

References

- Agoshkov A.V., Vasil’ev A. G., Zhukova O.A., Zapesotsky A.S., Ikonnikova S.N., Mosolova L.M., Khrenov N.A. Kakoj tip kul’turny skladyvaetsja v sovremennoj Rossii? [Which Type of Culture is emerging in Modern Russia?], *Voprosy kul’turologii*, 2010, no. 8, pp. 93–120. (In Russian)
- Anisimov A.I. Knjaz’ S.N. Trubeckoj i moskovskoe studenchestvo [Prince S. N. Trubetskoy and Moscow Students], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1906, vol. I (81), pp. 146–196. (In Russian)
- Fedotov G.P. *Sobranie sochinenij* [Collected Works], vol. 5. Moscow: Sam&Sam Publ., 2011. 424 p. (In Russian)
- Kara-Murza A.A., Zhukova O.A. *Svoboda i vera. Khristianskij liberalizm v rossijskoj politicheskoj kul’ture*. [Freedom and Faith. Christian Liberalism in Russian Political Culture]. Moscow: Institute of philosophy, Russian Academy of Sciences Publ., 2011. 184 p. (In Russian)
- Klyuchevskij V.O. *Kurs russkoj istorii* [The Course of Russian History]. Moscow: Al’fa-Kniga Publ., 2009. 669 p. (In Russian)
- Lopatin L.M. *Knjaz’ S.N. Trubeckoj i ego obshhee filosofskoe mirosozercanie* [Prince S.N. Trubetskoy and his General Philosophical Worldview], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1906, vol. I (81), p. 29–129. (In Russian)
- Lopatin L.M. Pamjati knjazja S.N. Trubeckogo [The Memory of the Prince S.N. Trubetskoy], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1905, vol. IV (79), p. I–VI. (In Russian)
- Lossky N. O. *Bog i mirovoe zlo* [God and World Evil]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 432 p. (In Russian)
- Lossky N.O. *Istorija russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademičeskij Proekt Publ.; Triksta Publ., 2011. 551 p. (In Russian)
- Manuilov A.A. Iz vospominanij o kn. S.N. Trubeckom [From the Memoirs about S.N. Trubetskoy], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1906, vol. I (81), p. 1–3. (In Russian)
- Novgorodtsev P.I. Pamjati knjazja Sergeja Nikolaeviča Trubeckogo [In Memory of Prince Sergei Nikolaevich Trubetskoy], *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1906, vol. I (81), p. 4–8. (In Russian)
- Solov’ev, V.S. Svoboda voli [The Free Will], *Enciklopedičeskij slovar’ Brokgauza i Efrona*. 1900, vol. XXIX (57), p. 163–169. (In Russian)
- Spidlik T. *Russkaja ideja: inoe videnie čeloveka* [The Russian Idea: a Different Vision of Man]. St.Petersburg: Izdatel’stvo Olega Abyshko Publ., 2006. 464 p. (In Russian)
- Trubetskaja O.N. *Knjaz’ S.N. Trubeckoj. Vospominanija sestry* [Prince S.N. Trubetskoy. Sister’s Memories]. New York: Chekhov’s Publishing, 1953. 269 p. (In Russian)

- Trubetskoy E. N. *Smysl zhizni* [The Meaning of Life]. Moscow: tipografija tovarishhestva I.D. Sytina, 1918. 232 p. (In Russian)
- Trubetskoy E.N. *Svoboda i bessmertie* [Freedom and Immortality]. In: Trubeckoj E.N. *Smysl zhizni* [The Meaning of Life]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 432 p. (In Russian)
- Trubetskoy S.N. *Sobranie sochinenij Kn. Sergeja Nikolaevicha Trubeckogo* [Collected Works], vol. 1. Moscow: Printing house of G. Lissner and D. Sopko. 1907. 495 p. (In Russian)
- Trubetskoy S.N. *Sochinenija* [Works]. Moscow: Mysl' Publ., 1994. 816 p. (In Russian)
- Vysheslavtsev B.P. *Vechnoe v russkoj filosofii* [The Eternal in Russian Philosophy]. In: Vysheslavtsev B.P. *Etika preobrazhennogo Erosa* [The Ethics of Transfigured Eros]. Moscow: Respublika Publ., 1994, pp. 154–324. (In Russian)
- Zenkovsky V.V. *Istorija russkoj filosofii* [History of Russian Philosophy], vol. II, part 2. Leningrad: EGO Publ., 1991, pp. 93–113. (In Russian)
- Zhukova O.A. *Istorija russkoj kul'tury i sovremennost'* [History of Russian Culture and Modernity], *Voprosy istorii*, 2006, no. 8, pp. 105–116. (In Russian)